

Цю Цинянь этого не ожидал: Тан Хаодун имел какое-то отношение к дочери Ли Чжичэна.

Эх, мальчишка продолжал его удивлять!

Наедине нужно было предупредить его, что ученые не должны участвовать в делах других сфер, иначе можно легко навлечь беду на свою голову.

Перед Ли Шашой Цю Цинянь не мог слишком открыто разговаривать с Тан Хаодуном и только и оставалось, что молча смотреть друг на друга.

Тан Хаодун сжал нос Ли Шаши: «Я действительно убежден, что ты преодолела весь путь от Шанхая до Пекина, просто чтобы поесть».

«Так вот что ты думаешь обо мне! На самом деле меня интересует действительно ли ты привел в свои золотые хоромы девушку!» - хмыкнула Ли Шаша.

Тан Хаодун: «...»

«Я села на самолет рано утром. Еда на борту самолета была слишком ужасной. Я выбросила ее. Так что я на самом деле так голодна! Пригласи меня на ужин!»

Ли Шаша вела себя легкомысленно, как и всегда, волоча Тан Хаодуна за руку, чтобы пройти в княжеский двор.

Тан Хаодун горько улыбнулся и покачал головой.

Все трое вошли внутрь.

Ли Шаша была так взволнована, держась за руку Тан Хаодуна и глядя налево и направо.

Ее рот открылся, и она продолжила громко восклицать.

«Ух ты! Тут есть рокарий!»

«Вода тут такая прозрачная, ой я вижу так много маленьких золотых рыбок!»

«Ха! В коридорах этого дома нарисованы фениксы. Разве не может быть, что здесь живет гэгэ? (прим.переводчика: гэгэ - почётное родовое звание девушек из аристократических семей)

«О! Какая ценность, такая большая!»

Тан Хаодун же ко всему оставался безучастным.

«Наивное сокровище, перестань кричать, словно обезьяна».

Ли Шаша сердито уставилась на Тан Хаодуна: «Что? Ты говоришь, что я обезьяна? Посмотри, я оделась так, чтобы пройти проверку безопасности в аэропорту, поэтому на мне одеяние гэгэ! А ты сравниваешь меня с обезьяной! Да как ты смеешь?!».

Делая вид очаровательной наивности, она заморгала своими большими глазами, глядя на Тан Хаодуна: «Как насчет того, видел ли ты еще где-нибудь такую красоту Китайской Республики, которая ходит по миру с грацией красавицы и почти что светиться?»

Тан Хаодун: «...»

«Ха, и почему ты ничего не говоришь?»

Видя, что Тан Хаодун не реагирует, Ли Шаша продолжала трясти его за руку.

Тан Хаодун фыркнул и серьезно сказал: «Наивное сокровище, честно говоря, ты даже наряженной в это платье слишком чувствительна и лучше бы ты оставалась немой».

«Что? Ты проклинаешь меня, чтобы я стала немой? Почему?»

«Ты ведь ни на минуту не перестаешь говорить! Как было бы хорошо, если бы ты была тихой и спокойной красавицей!»

«А-а-а...» - растягивала звук Ли Шаша, - «Как слепое пятно, которое никто не замечает. Я должна быть как Ватсон. Тьфу ты! Если я Ватсон, тогда я все поняла! Оказывается, такому плейбою, как ты, по душе девушки, которые любят искусство и литературу» - она серьезно спросила: «Так тебе нравится сестра Юйсинь, не так ли?»

Тан Хаодун чуть не умер со смеху: «Барышня, прекрати создавать проблемы. Мне действительно хочется разрезать тебе голову и посмотреть, что внутри нее, раз уж каждый раз ты придумываешь такие небылицы».

«Не переводи тему разговора! Если тебе не нравится сестра Юйсинь, зачем дарить ей Роллс-Ройс?»

«Ха-ха, Наивное сокровище, хочешь съесть меня, как лимон?»

«Ну, так и хочется! Я не могу дождаться, чтобы положить тебя в свой живот», - Ли Шаша стиснула зубы от злости.

Тан Хаодун улыбнулся: «Тогда тебе следует укусить собственные пальцы. Разве ты не понимаешь, что ты куда кислее лимонов?»

Ли Шаша: «...»

Цю Цинянь не мог удержаться от смеха, слушая перепалку Тан Хаодуна и Ли Шаша.

Это было намного веселее, чем слушать сяншэн (прим. переводчика: сяншэн - жанр традиционного китайского комедийного представления)

Дочь Ли Чжичэна тоже оказалась очень интересной личностью.

«Разок посмеешься, десяток лет сбросишь» - именно так себя чувствовал Цю Цинянь. Если бы Ли Шаша была его внучкой, он мог бы вернуть себе молодость.